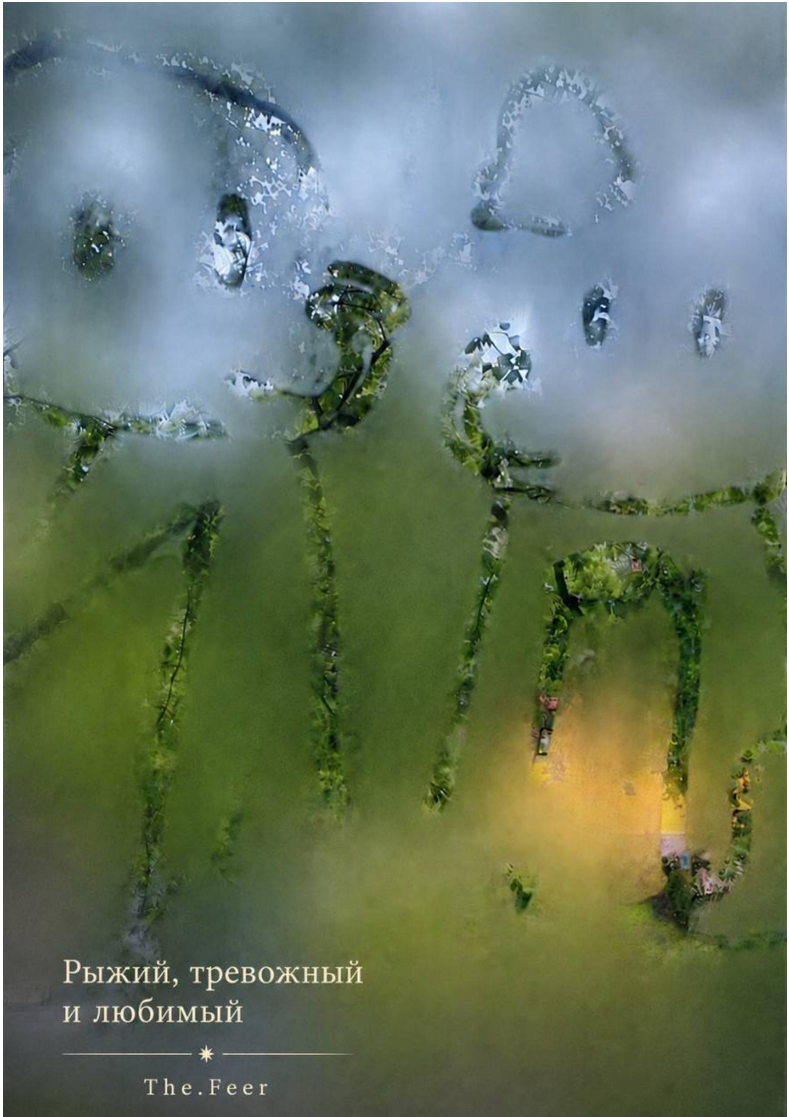
Рыжий, тревожный
и любимый
The.Feer

The.Feer The.Feer

Рыжий, тревожный и любимый

https://litres.ru/74005463
SelfPub; 2026

Аннотация

В одном лесу живёт лисёнок. Он очень много чувствует - иногда слишком. Он ревнует, тревожится, уходит молча и придумывает плохое там, где его нет. Рядом с ним живёт золотистая ретривер - добрая, шумная и очень настоящая. Двенадцать сказок о том, как научиться говорить вместо того, чтобы прятаться. И о том, что место есть - всегда.

Содержание

О том, как лисёнок решил, что стал не нужен 5
О трёх днях молчания и о том, что слова весят по-разному 11
О том, как кот решил сам - и что лисёнок из этого понял 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

The.Feer
Рыжий, тревожный и любимый

Название: Рыжий, тревожный и любимый
Автор(-ы): The.Feer
Ссылка: https://author.today/work/600567

О том, как лисёнок решил, что стал не нужен

В лесу, где не бывает ни слишком холодных зим, ни слишком жарких лет, где деревья всегда немного золотые от света, который падает сквозь кроны, жили пять зверьков. Они жили недалеко друг от друга - каждый в своём домике, но так близко, что если выйти на крыльцо и позвать, то тебя обязательно услышат. Лисёнок жил в домике под старым дубом. Ретривер - чуть правее, у ручья. Кот - на пригорке, откуда была видна вся поляна. А корги и дворняжка - на другом конце леса, но и они иногда приходили на поляну, где все обычно собирались. Лисёнок был рыжий, как осенний лист, с белым кончиком хвоста и большими ушами, которые слышали всё - даже то, чего, может быть, не стоило слышать. Он очень любил ретривера - не говоря об этом вслух, потому что говорить такие вещи вслух казалось ему слишком страшным. Что если ретривер не почувствует того же? Что если скажет что-то не то? Лисёнок предпочитал держать это чувство внутри - тёплым и целым, как птичье яйцо в гнезде. Ретривер был золотым - не просто по цвету, но и по сути. Она улыбалась так, что становилось теплее даже в пасмурный день. Она всегда помнила, что лисёнок не любит громких звуков, что кот предпочитает разговаривать, когда сам захочет, что кор-

ги нужно много движения, а дворняжке - много внимания. Ретривер умела быть рядом так, что это не казалось случайностью.

В то утро, о котором идёт речь, лисёнок проснулся рано. Он вышел на крыльцо, потянулся, зевнул и посмотрел в сторону ручья - туда, где жила ретривер. Обычно по утрам они вместе пили чай на большом камне у воды. Это было их утро. Но в это утро у домика ретривера уже кто-то был. Лисёнок прищурился. Это была дворняжка - пёстрая, вечно в движении, с хвостом, который не умел стоять спокойно ни секунды. Она прыгала вокруг ретривера, что-то рассказывала, размахивала лапами, и ретривер смеялась - тем самым смехом, который лисёнок считал немного своим.

Лисёнок постоял на крыльце. Потом зашёл обратно в домик. Закрыл дверь. Сел за стол и стал смотреть на чашку, из которой собирался пить чай. «Она забыла», - подумал лисёнок. Это была первая мысль. Потом пришла вторая: «Или не забыла. Просто я ей больше не нужен». Эта вторая мысль была холоднее первой. Она была той особенной холодной мыслью, которая, если её не остановить, начинает расти -медленно, как мороз на оконном стекле, пока не покроет всё целиком. Лисёнок налил себе чаю. Чай был горячий, но он его не чувствовал. Он сидел и думал: может быть, это всегда было так? Может быть, ретриверу просто было удобно дружить с ним, пока не появился кто-то более весёлый, более лёгкий, менее... такой, как лисёнок? Дворняжка была весёлой. Двор-

няжка никогда не молчала по три часа, уставившись в одну точку. Дворняжка не переживала из-за пустяков. Лисёнок был другим - сложным, иногда тихим, иногда слишком шумным внутри, хотя снаружи этого не было видно. «Конечно, с ней веселее», - решил лисёнок.

Он не вышел на поляну в тот день. Притворился, что занят - хотя делал только то, что смотрел в окно и думал. К обеду к нему постучал кот. Кот редко приходил без повода, и лисёнок это знал.

- Ты не вышел утром, - сказал кот. Не вопрос - просто замечание.

- Не захотел, - сказал лисёнок.

Кот зашёл, не спрашивая разрешения, сел у окна и стал смотреть наружу. Они помолчали. Кот умел молчать так, что это не было неловким.

- Ты видел их утром? - спросил лисёнок наконец.

- Видел.

- И что?

- Ничего. Дворняжка пришла рано, разбудила её, потащила смотреть на бобровую плотину. Она вернулась через час. Потом спрашивал меня, куда ты делся.

Лисёнок помолчал.

- Она спрашивала?

- Два раза, - сказал кот. - Первый раз - когда ты не пришёл к камню. Второй - когда тебя не было на поляне.

Лисёнок посмотрел в чашку. Чай давно остыл.

- Я думал, она забыла.

- Она не забыла, - сказал кот просто. - Она просто была занята полчаса. Люди иногда бывают заняты полчаса, лисёнок. Это не значит, что они забыли.

Лисёнок знал, что кот прав. Но знать и чувствовать - это разные вещи, и между ними иногда очень большое расстояние.

После того как кот ушёл, лисёнок долго сидел и думал. Он думал о том, откуда берётся это чувство - что стал не нужен. Не из того, что произошло утром: ничего страшного не произошло, ретривер просто пошёла с дворняжкой смотреть бобровую плотину, это не было предательством, не было отказом, не было даже намерением обидеть. Это было просто утро. Тогда откуда это холодное, скользкое ощущение в груди?

Лисёнок встал и пошёл к ручью. Ретривер сидел на большом камне - один, с двумя чашками - и смотрел на воду.

- Я уже думал, ты не придёшь сегодня, - сказала ретривер. И в её голосе не было ни упрёка, ни обиды - просто облегчение. Тихое, настоящее.

- Я видел вас утром, - сказал лисёнок. Он решил сказать правду - осторожно, не всю сразу, но правду. - Ты смеялась. Я подумал... что ты забыла про чай.

Ретривер посмотрела на него. Потом встала, подошла и села рядом - совсем рядом, так что их плечи соприкоснулись.

- Я не забыла, - сказала она. - Дворняжка прибежала очень

рано. Ты знаешь, она не умеет ждать. Я пошла с ней, потому что иначе она бы шумела под окном, пока весь лес не проснулся. - Она помолчала. - Но я вернулась и ждала тебя. Я всегда жду тебя.

Лисёнок смотрел на воду. В ручье плыл жёлтый лист - медленно, по течению.

- Почему ты мне это не сказала раньше? - спросил лисёнок тихо.

- Потому что ты ушёл прежде, чем я успела, - сказала ретривер.

Это было правдой. Лисёнок ушёл - не потому что хотел уйти, а потому что испугался того, что придумал сам. Он придумал целую историю о том, что стал не нужен, - и убежал от этой истории прямо в домик, где история только росла и росла, потому что кормить её было нечем, кроме тишины и собственных мыслей.

- Я иногда придумываю плохое, - сказал лисёнок. Это было трудно говорить, но он сказал.

- Я знаю, - сказала ретривер. - Я тоже иногда придумываю.

Они сидели на камне и пили остывший чай - ретривер налил из термоса, который всегда брала с собой, - и смотрели, как жёлтый лист плывёт по ручью всё дальше, пока не скрылся за поворотом.

- Можно я буду говорить тебе, когда мне так? - спросил лисёнок.

- Можно, - сказала ретривер. - Я буду рада.

- Даже если это глупо?

- Особенно если это глупо, - сказала ретривер и улыбнулась. -Потому что тогда я смогу сказать тебе, что это глупо, и ты успокоишься быстрее.

Лисёнок тоже улыбнулся - чуть-чуть, одним уголком рта. Но улыбнулся.

В тот вечер, засыпая, лисёнок думал о том, что холодное скользкое ощущение в груди прошло. Не потому что он стал другим. Не потому что ретривер сказал волшебные слова. А потому что лисёнок сделал кое-что трудное: он сказал правду вслух вместо того, чтобы оставить её внутри, где она росла и холодела.

Лес за окном шумел тихо. Ручей журчал. Где-то далеко дворняжка, наверное, ещё не спала и что-то делала с грохотом. Но лисёнку сейчас было хорошо.

Страх стать не нужным живёт не в том, что происходит, а в историях, которые мы сами себе рассказываем. Когда страшно - лучше спросить, чем молчать и придумывать.

О трёх днях молчания и о том, что слова весят по-разному

Однажды ретривер сказал кое-что, сам того не заметив. Это бывает - люди говорят слова, не взвешивая их, потому что слова кажутся им лёгкими. Но у лисёнка слова всегда весили много. Он слышал каждое - не просто ушами, но и чем-то внутри, каким-то особым местом, которое умело превращать чужие слова в совсем другие вещи.

Дело было так. Они шли по лесу втроём - лисёнок, ретривер и кот - и разговаривали о том о сём. Ретривер рассказывала что-то весёлое про бобров и их плотину, кот слушал с видом существа, которому всё это неинтересно, но которое из вежливости не уходит.

- Знаешь, - сказала ретривер лисёнку на ходу, - ты иногда такой странный. - И засмеялся, добавив: - В хорошем смысле, конечно.

Кот покосился на лисёнка. Лисёнок ничего не сказал. Он продолжал идти, смотреть под ноги, слушать, как хрустят ветки.

Но внутри что-то щёлкнуло. «Странный» - это слово осталось. Оно приземлилось в то самое место, где слова весят много, и стало там жить. Ретривер уже говорила о чём-то другом - про погоду, про грибы, которые видела у боль-

шой ели, - но лисёнок больше не слышал. Он думал о слове «странный». Странный - это плохо. Странный - это значит не такой, как надо. Странный - это значит, что ретривер замечает это, думает об этом, может быть, рассказывает другим. «Он такой странный, знаешь?» Вот как это звучит в голове лисёнка. Домой лисёнок пришёл молча. На следующий день он не вышел на поляну. Ретривер постучал - лисёнок отозвался «всё хорошо», но дверь не открыл. На второй день ретривер постучал снова - лисёнок снова сказал «всё хорошо». На третий день ретривер не стучал. Лисёнок смотрел в окно и думал: «Вот. Ему надоело. Конечно, ведь я странный». Это была ловушка, которую лисёнок расставил сам себе: он обиделся на слово, спрятался, ретривер перестал стучаться, и это стало новым поводом для обиды. Круг замкнулся.

На четвёртый день пришёл кот. Кот не стучал - просто сел на крыльцо и стал ждать. Лисёнок знал, что он там, но долго не выходил. Потом всё же вышел.

- Три дня, - сказал кот.

- Что три дня?

- Ты молчишь три дня.

- Мне не хочется говорить.

Кот кивнул. Он не спрашивал почему. Он просто сидел рядом, и это было странно само по себе - кот редко просто сидел рядом без причины.

- Ретривер сказала, что я странный, - сказал лисёнок наконец. -Смеялась.

Кот долго молчал.

- Он сказал «странный в хорошем смысле», - произнёс кот.

- Это так говорят, когда хотят смягчить.

- Или так говорят, когда так думают.

- Ты не можешь знать, что она думала.

- Ты тоже, - сказал кот. - Ты не можешь знать, что она думала. Но ты выбрал самое плохое объяснение из всех возможных. Почему?

Лисёнок не ответил. Потому что ответ был неудобным: потому что плохое объяснение было привычным. Потому что лисёнок давно научился находить в словах то, что его пугало, - даже когда этого там, может быть, и не было.

- Она скучает по тебе, - сказал кот. - Три дня приходит ко мне и спрашивает, не знаю ли я, что случилось.

- Что ты ей говоришь?

- Что не знаю. Потому что ты мне не говоришь.

Лисёнок посмотрел на кота.

- Я странный, - сказал он. - Это правда. Я слишком много думаю о словах. Я прячусь. Я три дня молчал из-за одного слова.

- Да, - согласился кот. - И всё же ретривер три дня приходит ко мне и спрашивает о тебе. Это тоже правда.

Лисёнок встал с крыльца. Помялся немного.

- Мне надо с ней поговорить.

- Надо, - согласился кот.

Лисёнок нашёл ретривера у ручья. Тот сидел на камне и бросал веточки в воду - бессмысленно, просто чтобы что-то делать. Когда увидела лисёнка, сразу встала.

- Ты пришёл, - сказала ретривер. Она завиляла хвостом. В голосе было столько всего - и облегчение, и вопрос, и что-то ещё, что лисёнок не умел назвать, но чувствовал.

- Пришёл, - сказал лисёнок. - Я хочу тебе кое-что сказать. Только ты не смейся.

- Не буду.

- Ты сказала тогда, что я странный. - Лисёнок говорил медленно, подбирая слова. - И я... мне стало плохо. Я знаю, что ты добавила «в хорошем смысле». Но слово «странный» осталось, и я не мог думать ни о чём другом, прости.

Ретривер смотрела на него очень внимательно. Не перебивала.

- Я, наверное, глупо поступил, что спрятался. Но я не знал, как тебе это сказать сразу.

- Я не знала, что это тебя задело, - сказала ретривер тихо. - Прости. Я говорю, не думая, это правда. Я сказала «странный» и имела в виду - особенный. Непохожий на остальных. Мне нравится, что ты такой. Но я не подумала, как это прозвучит.

Лисёнок молчал. Потом сказал:

- Я верю тебе.

- Правда?

- Правда. - Лисёнок сел рядом на камень. - Просто когда

ты говоришь что-то, что можно понять по-плохому, я всегда выбираю плохое. Я не знаю почему. Может быть, потому что так привык.

Ретривер подумала немного.

- А если я буду стараться говорить точнее? - предложила он. - Не «странный», а «особенный». Не что-то, что можно понять не так, а что-то, что нельзя.

- А если я буду стараться спрашивать сразу, а не прятаться? - предложил лисёнок в ответ.

Ретривер улыбнулась - широко, по-настоящему.

- Договорились.

Они ударили лапой об лапу - торжественно, как делают, когда договор настоящий. Потом долго сидели у ручья и молчали, но это было уже совсем другое молчание - не то, которое разделяет, а то, которое соединяет.

Вечером, когда лисёнок шёл домой, он думал о словах. О том, что они весят по-разному для разных зверей. То, что для одного - лёгкое замечание, для другого может стать камнем, который лежит и давит. И это не чья-то вина - это просто то, о чём надо говорить вслух, вместо того чтобы молчать и тяжелеть.

Слова весят по-разному. Если что-то задело - лучше сказать об этом, чем молчать и придумывать плохое. А тот, кто говорит - пусть старается говорить точно, потому что слова - это не просто звуки, это то, что остаётся.

О том, как кот решил сам - и что лисёнок из этого понял

Корги была доброй. Лисёнок это знал, потому что видел своими глазами: корги никому не желала плохого, никогда не говорила грубостей, всегда была готова помочь. Но лисёнок её не любил. Точнее - он не мог её любить, потому что корги делала одну вещь, которая для лисёнка была хуже всего остального: она обнималась с котом.

Кот был другом лисёнка - не таким, как ретривер, по-другому, но настоящим другом. Кот приходил, когда нужно, говорил правду, молчал когда надо. Лисёнок дорожил этой дружбой, хотя никогда не говорил об этом вслух - потому что лисёнок вообще редко говорил вслух о том, что дорого.

И вот корги - которой, кажется, всё равно, что думает лисёнок, - приходила на поляну и немедленно бросалась к коту обниматься. Громко, радостно, с тем безудержным весельем, которое было её природой. А кот... кот терпел. Лисёнок видел, что терпит, но это не помогало. Потому что кот мог бы прогнать корги - и не прогонял. Мог бы сказать «не надо» - и не говорил. «Значит, ему это нравится», - думал лисёнок. - «Значит, ему с ней хорошо. Лучше, чем со мной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.